

УДК 801.73

И. В. Силантьев

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: silantev@philology.nsc.ru

ДИСКУРС И ЖАНР *

В статье рассматриваются отношения между понятиями дискурса и жанра в сопоставлении с понятиями интенции, высказывания и текста.

Ключевые слова: дискурс, жанр, интенция, высказывание, текст.

Человеческое общение организуется и оформляется по-разному в зависимости от участников, целей, предмета и ситуации общения, от социальных норм и культурных традиций. Каждый из нас владеет своим репертуаром коммуникативных практик. Мы о разном и по-разному говорим и пишем (а также слушаем и читаем) в кругу родных и друзей, на работе, на улице, на официальных приемах, в театре, университете, церкви. Термин «дискурс» на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения (см. обзоры лингвистических и культурологических концепций дискурса в работах [Чепкина, 2000. С. 5–18; Макаров, 2003. С. 83–99; Карасик, 2004. С. 226–239]). В многогранной реальности жизни, в ее разносторонних публичных и частных сферах мы являемся активными участниками различных и многих дискурсов – обиходного, официального, образовательного, научного, политического, публицистического, религиозного, эстетического и других.

Из чего непосредственно состоит дискурс? С учетом основополагающих представлений о дискурсе, раскрытых в трудах

М. Фуко [1996. С. 63–71; 96–97; 117–118], ответ может быть таким: тело дискурса – это открытое множество высказываний, как осуществленных в практике коммуникации, так и возможных, предсущественных, однако высказываний не любых, а построенных в системе силовых линий социокультурного поля данного дискурса. В последнем отношении предложенное понимание дискурса не противоречит известным формулам Ц. Тодорова о дискурсе как структуре «после языка, но до высказывания» [1983. С. 366] и Ю. С. Степанова о дискурсе как «особом использовании языка... для выражения особой ментальности», а также «особой идеологии» [1995. С. 37], или как о «языке в языке», «представленном в виде особой социальной данности» [Там же. С. 43].

В рамках бахтинской трактовки высказывания, сформулированной ученым в работе «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1979. С. 245–280], мы можем определить высказывание как целостную единицу общения, характеризующуюся такими базовыми свойствами, как информационная, интенциональная и композиционная завершенность.

* Исследование выполнено в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», выполняемых на основании государственного контракта № 02.740.11.0370 в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Универсальное качество информации очень точно (и адекватно общегуманитарной парадигме) определяет В. И. Тюпа: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [1996. С. 12]. При этом нужно иметь в виду, что информативно не только взаимодействие (или, для нас, дискурсивное соположение) двух формально внешних по отношению друг к другу моментов, информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения. Это значит, что всякое высказывание внутренне диалогично уже в силу своей информативности: в нем сочетаются и взаимодействуют два плана – как представители «взаимодействующих систем» – план темы и план ремы (ср. наблюдения М. М. Бахтина о внутренней диалогичности словосочетания «все высокое и прекрасное» [1979. С. 286]).

Другой вектор коммуникативной завершенности высказывания определяется его интенциональностью. Интенциональная структура высказывания может рассматриваться в рамках достаточно сложной и многоуровневой модели, как, например, у П. Ф. Стросона [1986]. Не углубляясь в общую теорию интенциональности [Слово в действии..., 2000. С. 28–39; Макаров, 2003. С. 35–38]), обозначим это понятие в его существенности для нашего исследования: интенция – это коммуникативное намерение, которым сопровождается высказывание в общении [Арутюнов, Чеботарев, 1993].

Интенций высказывания может быть несколько и много, они могут быть разнохарактерные и разноуровневые по отношению друг к другу. Даже в простейшем, на первый взгляд, высказывании «Извините, могу ли я поинтересоваться, что Вы читаете?», обращенном мужчиной к симпатичной незнакомке, например, в салоне самолета, содержится ряд интенций, среди которых интенция прямой просьбы проинформировать занимает не самое важное место, а то и совсем ничего не значит. Обратное не работает: вне интенционального поля высказывание невозможно, оно тем самым теряет свой актуальный коммуникативный статус и превращается в абстрактное предложение (ср. знаменитое букварное «Мама мыла раму»). Другое дело, что важно правильно оп-

ределить собственные границы высказывания, которые, естественно, далеко не всегда совпадают с границами лингвистического предложения: то же самое «Мама мыла раму», будучи одним из составных моментов букваря как сложного обучающего высказывания-учебника, попадает в общее интенциональное поле букваря и наделяется в нем подчиненной интенцией учебного примера.

Оба вектора коммуникативной завершенности высказывания – информативный и интенциональный – в совокупности образуют его актуальный смысл, равно – но по-разному – обращенный к адресанту и адресату высказывания.

Весьма существенным для понимания феномена высказывания является его отношение к тексту.

Неотъемлемым качеством высказывания как единицы общения является его коммуникативная актуальность, его локализация в зоне актуальности коммуникативной ситуации. При этом сама зона актуальности может быть предельно различной – от моментального «здесь и сейчас» в повседневном дискурсе до монументального (либо в своей наивности, либо в лживости) «всегда и везде» дискурсов, встроенных в различные этажи духовной культуры и деятельности общества.

Текст – это высказывание, проецированное (нередко при помощи какой-либо дополнительной системы обозначений и фиксации в иной, более устойчивой материальной среде) в рамки отложенной, отстоящей во времени или пространстве коммуникации, а значит, это высказывание, в котором его коммуникативная актуальность носит не столько наличный, сколько потенциальный характер. Это значит, что в тексте актуальность высказывания уходит в план его интенциональной структуры.

Таким образом, неправильна формальная точка зрения, сводящая феномен текста только к моменту фиксации высказывания на каком-либо материальном носителе (бумага, глина и т. п.) при помощи определенной системы обозначений (например, системы письма).

Высказывание и текст суть две стороны одного целого [Бахтин, 1979. С. 282], но это две различно акцентированные стороны: высказывание коммуникативно актуально, текст коммуникативно потенциален. В то же время это значит, что высказывание неотде-

лимо от своего текста в силу самого принципа своего осуществления. Наиболее отчетливо это видно в пластическом искусстве: что в скульптуре высказывание и что ее текст?

Другое дело, что высказывание, взятое в аспекте своей текстуальности, т. е. в своей обращенности к отложенной коммуникативной ситуации, может не вписаться в нее, не воплотить свой потенциал в смысл, свою интенцию в актуальность. И тогда высказывание умрет раз или навсегда, и текст станет его могилой и его памятником (это словечко, кстати, весьма характерно для традиции изучения древних культур и литератур, но именно потому, что в этих традициях имеют дело с мертвыми высказываниями и произведениями, мертвыми языками и дискурсами).

Нельзя обойти и вопрос об отношении текста к дискурсу. В принципе, это отношение опосредовано моментом высказывания (ср.: [Карасик, 2000. С. 5]). Дискурс, как мы определяли выше, как таковой состоит из высказываний (это два первичных в своей природе коммуникативных феномена) и, вслед за высказыванием, продолжает себя, и возобновляет себя в текстах, всякий раз обновляясь при этом: «...воспроизведение текста субъектом... есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения» [Бахтин, 1979. С. 284]. Следует только учитывать качественную меру этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, многие тематические и многие профессиональные) опираются по большей части непосредственно на высказывания, которые не нуждаются в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие «тела» таких дискурсов, изначально рождаются в текстах.

Рассмотрим центральное для нашей темы отношение категории *жанра* к категориям высказывания, текста и дискурса.

По существу, жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса. Если это так, то по каким параметрам высказывания группируются в жанры? Каковы, другими словами, их характерные жанровые признаки?

Выделим две группы таких признаков: коммуникативные и текстуальные.

Коммуникативные признаки жанра охватывают интенциональное разно- и единообразие высказываний дискурса. Собственно говоря, именно по параметру коммуникативных интенций М. М. Бахтин выделял речевые жанры – первичные по отношению к другим в той мере, в какой повседневный дискурс первичен по отношению к дискурсам профессии и культуры. Соответственно мы можем говорить о таких жанрах повседневного дискурса, как вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, поздравление, сожаление и соболезнование и т. д. Сами названия таких жанров суть не что иное, как базовые интенции, сопровождающие высказывания в рамках данных жанровых групп.

Вслед за П. Ф. Стросоном [1986] в коммуникативном аспекте жанра можно различать собственно интенциональную и конвенциональную составляющие. Например, лекция как жанр университетского образовательного дискурса интенциональна постольку, поскольку направлена на передачу фиксированного в определенных дисциплинарных рамках знания лицам, обучающимся в учебном заведении. При этом данный жанр конвенционален постольку, поскольку в рамках описанной выше интенции предполагает от участников дискурса определенное коммуникативное поведение: преподаватель должен излагать некое новое знание, а студенты должны внимать преподавателю, при этом студенты могут задавать вопросы по теме лекции, на которые преподаватель обязан давать достаточно определенные ответы в рамках данной темы и учебного предмета в целом. Конвенциональная сторона жанров в рамках дискурса тесно связана с феноменом дискурсных ролей, о которых будет сказано далее.

Текстуальные признаки жанра характеризуют высказывание в плане структурности / композиционности его текста. Данные признаки малосущественны для элементарных речевых жанров (первичных, как их называл М. М. Бахтин [1979. С. 239]) – их текстуальная структурность во многом сводится к лингвистической структурности (преимущественно синтаксической, но не только). В самом деле, структурные различия между вопросом и ответом в русскоязычной речи лежат в сфере языкового инто-

нирования и, частично, в сфере порядка слов и собственно лексико-грамматического оформления высказывания. Гораздо большее, если не определяющее, значение структура текста имеет для жанров, соотношенных с дискурсами высшего порядка, или для вторичных жанров, по М. М. Бахтину. Это положение достаточно очевидно – как очевидны структурные различия в текстах, положим, коммерческого договора и делового письма.

Кстати говоря, и интенциональная структура вторичных жанров несравнимо сложнее и иерархичнее коммуникативных интенций первичных жанров. К примеру, каковы интенции романа как жанра в рамках литературно-художественного дискурса? Каков, прежде всего, общий коммуникативный статус романских интенций? Очевидно, что интенциональность романа в целом расположена в поле эстетических коммуникативных стратегий, и собственные, присущие жанру интенции романа отвечают общим и частным целям (стратегиям) эстетического дискурса. Здесь мы переходим к вопросу о соотношении жанра и дискурса, в ходе рассмотрения которого ответим и на частный вопрос об интенциональном характере романа.

В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особую, ему свойственную коммуникативную стратегию – некую общую и в то же время специализированную коммуникативную цель и соответствующие ей дискурсивные средства (более развернутую модель коммуникативной стратегии дискурса см. в работе [Тюпа, 2004]). Так, применительно к повседневному дискурсу можно говорить о коммуникативной стратегии обыденного единения людей посредством разнообразных форм прямого обмена текущей информацией, фатических коммуникативных актов и др. Применительно к образовательному дискурсу можно говорить о специфической коммуникативной стратегии обучения и обмена опытом и знаниями, что реализуется в различных дискурсивных формах – лекция, семинар, зачет, экзамен и др. (в варианте университетского дискурса).

Можно заметить, что мы в характеристике коммуникативной стратегии дискурса фактически пришли к терминологическому

удвоению понятия жанра и дискурсивной формы. Это, действительно, одно и то же, и далее мы будем преимущественно пользоваться привычным термином «жанр». Важно другое: коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, типов высказываний), составляющих целое дискурса. Так, основная интенция лекции – прямая передача преподавателем нового знания студентам, основная интенция семинара – обмен мнениями и подготовленными сужениями студентов и преподавателя, основная интенция публичной защиты курсовой работы – выполнение квалификационного задания и демонстрация студентом уровня владения навыками научной дискуссии. Нетрудно видеть, что все названные интенции – жанровые по своему существу – укладываются в единое целое коммуникативной стратегии дискурса образования как такового.

Вернемся к эстетическому дискурсу и, в частности, к дискурсу художественной литературы.

Литературное произведение, будучи полноценным высказыванием в составе эстетического дискурса, сообщает читателю героя как персонифицированное ценностно-смысловое целое, отвечающее определенным граням эстетической парадигмы эпохи (мы намеренно уходим от традиционного словечка «изображает», поскольку изобразительная способность литературы далеко не очевидна). В повествовательной литературе герой сообщается через инстанцию персонажа, явленного, в свою очередь, через фабульно-сюжетный континуум нарратива. Роман как один из типов (многих и разных) литературных произведений (эстетических высказываний) являет нам своего, особенного героя, ценностно-смысловая формула которого – частный человек, становящийся в своем жизненном целом, понятием как его судьба.

До сих пор в характеристиках высказывания, жанра и дискурса мы не касались проблемы *субъектности*. Этот вопрос сложный и неоднозначный: кто собственно и в рамках какой инстанции высказывается и в целом участвует в дискурсе? Вместе с тем достаточно однозначно можно выделить спектр *дискурсивных ролей*, которые говорящий (пишущий), с одной стороны, и слу-

шающий (читающий), с другой стороны, принимают в пространстве дискурса и в формате определенного жанра.

Попробуем для примера назвать дискурсные роли субъектов образовательного дискурса в его университетской реализации. Преподаватель: всезнающий, готовый ответить на все вопросы и обо всем рассказать (это очень трудная роль, предполагающая либо действительно сверхэрудированного специалиста, либо индивида самоуверенного и не уважающего студентов), ищущий внимания со стороны студентов (что подкупает, но и растормаживает последних), добрый и ищущий вместе со студентами «истину» (что чаще всего бывает ласковой неправдой). Любопытно – но характерно для ролевой структуры дискурса, – что субъект может менять дискурсные роли, выходя за рамки определенного жанра. Тот же добрый и ищущий вместе со студентами «истину» преподаватель на экзамене вполне может превратиться в цербера (это тоже дискурсная роль). Студент: «ботаник», сидящий на первом ряду и все записывающий; непричесанный «гений», ничего не пишущий, но задающий тонкие вопросы; некто, живущий какой-то совсем другой жизнью, не имеющей отношения к предмету курса, и др. (у студентов ролей больше, и при этом они более дифференцированы в гендерном плане).

Близкое к дискурсной роли понятие формулирует М. Л. Макаров, говоря о коммуникативных ролях как «более или менее стереотипных способах поведения и взаимодействия в рекуррентных ситуациях общения», однако это понятие задается исследователем не через начало собственно дискурса, а через антропоцентрическое начало «языковой личности» [2003. С. 217]. В принципе, связь определенного репертуара дискурсных ролей и языковой личности коммуниканта действительно становится значимой в публичных по своему характеру дискурсах и жанрах.

В. И. Карасик также говорит о «статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа» дискурса [Карасик, 2000. С. 11]. Однако исследователь усматривает наличие таких «амплуа» только в институциональных дискурсах, мы же – и в «персональных», если пользоваться его терминологией, т. е. дискурсах межличностного общения.

Дискурсные роли достаточно очевидно соотносимы с жанровой системой дискурса, во всяком случае реализуются они в рамках того или иного жанра и испытывают тяготение к интенциональной стороне этого жанра.

Возвращаясь к проблеме субъектности дискурса, заметим, что в общем виде дискурсные роли имеют прямое отношение к категории «субъекта высказывания» по М. Фуко: «...один и тот же индивидуум всякий раз может занимать в ряду высказываний различные положения и играть роль различных субъектов» [1996. С. 94].

Дискурсные роли также соотносимы с явлением, описанным Л. Витгенштейном и названным им «языковыми играми». Языковые игры Л. Витгенштейна иногда сближаются с речевыми жанрами М. М. Бахтина [Руднев, 2000. С. 16]. Однако, если судить по ряду примеров, которые приводит сам Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях», языковые игры оказываются существенно шире явления речевых жанров и жанров вообще, понимаемых как типы высказываний в рамках определенного дискурса. В самом деле, что такое, с точки зрения жанра, «размышлять о событии» или «острить, рассказывать забавные истории», или «переводить с одного языка на другой» [Витгенштейн, 1994. С. 23]? Предложим иную трактовку отношения языковой игры и собственно жанра – через понятие дискурсной роли. Языковая игра – это устойчивая связь жанровых практик и дискурсных ролей как двух взаимодействующих, но и достаточно независимых начал дискурса, или точнее: это проникающая сквозь жанровые практики траектория субъекта, облеченного в определенную дискурсную роль.

Список литературы

Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом. 1993. № 5–6. С. 75–82.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Руднев В. Винни Пух и философия быденного языка. М., 2000.

Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 34–72.

Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лин-

гвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 151–170.

Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 355–369.

Тюпа В. И. Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс – 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12–15.

Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 66–87.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.

Материал поступил в редколлегию 14.03.2010

I. V. Silantjev

DISCOURSE AND GENRE

The article considers the interrelation between the notions of discourse and genre in comparison with the notions of intention, statement and text.

Keywords: discourse, genre, intention, sentence, text.